
ПОЛЕМИКА

М. Б. ПОПОВ

К ВОПРОСУ О НАПИСАНИЯХ ТИПА ТРОТ < *ТЬРТ В РУКОПИСЯХ XIV—XV ВВ.: СЛОГОВЫЕ ПЛАВНЫЕ ИЛИ ВТОРОЕ ПОЛНОГЛАСИЕ?

В статье рассматриваются древнерусские написания типа ТРОТ, ТРЕТ, ТЛОТ (грошокъ, чренило, млонна и др.), передающие рефлексы праславянских сочетаний редуцированных с плавными типа *ТЬгТ, *ТЬгТ, *ТЬгТ. Указанные написания, обнаруженные, в частности, в ряде списков XIV—XV вв. «Жития Андрея Юродивого» (ЖАЮ), уже явились предметом серьезного исследования в серии статей М. Н. Шевелевой, интерпретировавшей их как отражение слоговых плавных в говоре писца [Шевелева 1995; 1996; 1997; 2001], а также совершенно независимо от М. Н. Шевелевой в работе Е. Н. Болониной¹, которая видит в таких написаниях отражение диалектного произношения /trot, tret/ [Болонина 2003].

Написания типа ТРОТ, ТРЕТ, ТЛОТ особенно широко представлены в двух древних списках ЖАЮ: в Типографском списке конца XIV в. (Тип. № 182; РГАДА, Типографское собрание № 182, 66 лл.) и в представляющем его весьма точную непосредственную копию Соловецком списке самого конца XV в. (Сол. № 216; РНБ, Соловецкое собр. № 216, 195 лл.; около 1494 г.). Оба списка новгородского происхождения.

На основании этих и некоторых других написаний (напр., в берестяных грамотах XII—XIII вв.: *мловина*, *во брозѣ* = *мълвина*, *въ бърозѣ* и *длъжнѣ*, *влъчъковн* = *дължнѣ*, *вълчъковн*), а также диалектного материала (*ослон* 'дубина', *кропачь* 'штопать', *мрода* 'рыболовная сеть' и др.) А. А. Зализняк выдвинул гипотезу, что «наряду с двумя описанными типами рефлексов (*ТЬгТ* и *ТЬгТ*) в др.-новг. зоне существовал еще один тип, а именно, *ТръТ*» [Зализняк 1995: 41]. Относительно написаний, представленных в списках ЖАЮ, на которые обратила внимание М. Н. Шевелева, А. А. Зализняк считает, что такие написания «не могут быть объяснены как орфографическая условность: они отличаются как от стандартных позднедр.-р. написаний с *ор*, *ол*, *ер*, так и от орфограмм южнославянского проис-

¹ В тезисах Е. Н. Болониной отсутствуют какие-либо ссылки на работы М. Н. Шевелевой и А. А. Зализняка, посвященные рассматриваемой проблематике, а при ссылке на работу [Крысько 1994] указана другая публикация данного автора.

хождения с *рѣ*, *лѣ*. За ними явно стоят сочетания с [ро], [ло], [p'e], развившиеся нормальным фонетическим путем из рефлексов типа *TrъT*» [Зализняк 1995: 42].

Мы не будем обсуждать здесь гипотезу А. А. Зализняка о наличии третьего типа рефлекса псл. *ТЪРТ в части древнерусских говоров. Отметим лишь, что теоретически она правдоподобна и не противоречит имеющемуся материалу памятников и говоров, хотя материал этот невелик и может служить основанием для альтернативных гипотез, в частности, орфографических, позволяющих объяснить написания в памятниках. Более подробно в статье будет рассмотрена основательно разработанная гипотеза М. Н. Шевелевой о слоговых плавных, скрывающихся за написаниями типа ТРОТ, которая представляется нам внутренне противоречивой. Особое внимание уделим орфографии списков ЖАЮ XIV—XV вв., послуживших основанием для выводов М. Н. Шевелевой (а в какой-то степени и для А. А. Зализняка), которая, на наш взгляд, может быть интерпретирована иначе, в частности, без опоры на реконструкцию гипотетических слоговых плавных и гипотетического же особого рефлекса *TRЪT < псл. *ТЪРТ.

Главная идея М. Н. Шевелевой заключается в том, что написания ТОРТ — ТРОТ — ТОРЪТ² — ТОРОТ — ТЪРТ — ТРЪТ — ТЪРЪТ — ТРТ в списках ЖАЮ «фонетически эквивалентны» и «**основная вокальность сосредоточена на самом плавном, т. е. что мы имеем дело с вариантными способами передачи слогового плавного**» [Шевелева 1996: 45—46]. В некотором противоречии с этим, однако, находится ее утверждение, что все перечисленные написания являются фонетическими, но главное для М. Н. Шевелевой заключается в том, что они не могут быть признаны чисто орфографической условностью (в этом с ней согласен А. А. Зализняк). Итоговым выводом является следующий: «рефлексы сочетаний *tъrt реализовались в рассматриваемой диалектной системе в слоговом плавном (= плавном, сопровождавшемся нефонологическими вокальными призвуками) с тенденцией к нейтрализации противопоставления по палатализованности / непалатализованности плавного (а гласных призвуков, соответственно, по ряду), с одной стороны, и к вокализации гласных призвуков при плавном, с другой» [Шевелева 1996: 55]. В отличие от М. Н. Шевелевой, А. А. Зализняк, видимо, понимает рефлекс *TrъT* как результат метатезы (*TrъT* < **TъrT*³) с последующим «прояснением» в процессе и после падения редуцированных (независимо от сильной или слабой позиции в сложной группе согласных). В. Б. Крысько считает, что *trъt* удовлетворительно выводится из общевосточнославянского рефлекса *tъrъt* < **tъrt*, предлагая следующую реконструкцию: «сочетания типа *tъrt* совпадали в некоторых

² Первые три типа написаний в рассматриваемых рукописях наиболее частотны, остальные — единичны.

³ Возможно, через промежуточный этап *TъrъT*, хотя А. А. Зализняк скорее противопоставляет рефлексы *TъrъT* и *TrъT*, чем усматривает преемственность между ними.

новгородских говорах с формами типа *trъt* (*дръва*) и претерпевали в дальнейшем такую же эволюцию: в сильной позиции редуцированный вокализовался, тогда как в слабой утрачивался, в результате чего плавный приобрел слоговость, а затем после него развивался неорганический гласный (*trъta > trta > t̃ta > trota*)» [Крысько 1994: 19]. Если все же приходится реконструировать рефлекс *trъt* (< **tъrt*), то, соглашаясь с В. Б. Крысько в том, что наиболее естественно этот рефлекс выводить из общевосточнославянского *ТЪРЪТ*, т. е. из второго полногласия, отметим некоторую искусственность реконструкции промежуточных этапов развития *TRЪТА > TRTA > T̃R TA > TROTA*, предполагающей выпадение слабого редуцированного и возникновение слогового плавного⁴.

Выводы М. Н. Шевелевой относительно реконструкции системы со слоговыми плавными представляются нам недостаточно обоснованными, а материал проанализированных ею рукописей позволяет, на наш взгляд, предложить другую интерпретацию и выдвинуть гипотезу о том, что большинство написаний указанных двух списков ЖАЮ отражают **второе полногласие** в говоре писцов⁵, а разнообразие способов его передачи на письме в корнях типа **ТЪРТ* вызвано сложным переплетением фонетических, орфографических, лексических и стилистических факторов, сопровождавших развитие первого и второго полногласия на северо-западе Руси.

Такой вывод должен показаться парадоксальным, поскольку Тип. № 182 вообще не содержит написаний типа *ТОРОТ* и *ТӨРӨТ*, которые, отражая второе полногласие, и могли бы считаться фонетическими (адекватнофонемными). Впрочем, наше предположение не покажется столь уж странным, если принять во внимание, что Типографский список не содержит ни одной формы и с первым полногласием. Однако полногласные формы встречаются в Сол. № 216, где имеются написания и с первым, и со вторым полногласием. Эта поразительная согласованность в очевидном стремлении писца (редактора) во что бы то ни стало избежать написаний, отражающих первое и второе полногласие, при весьма толерантном отношении к передаче таких ярких диалектных особенностей, как цоканье, смешение *ѣ* / *и* и некоторые другие (см. [Шевелева 1996: 24—26]), и наводит на мысль, что за написанием типа *ТРОТ* в языке писца скрывается произношение [torot], которое является рефлексом второго полногласия, совпавшего с первым, и которое он последовательно стремится маскировать.

⁴ Е. Н. Болонина также исходит из формы **tъrtъ*, предполагая механизм возмездительного удлинения: «После плавного развивается гласный призвук (вставочный по своей природе). Постепенно он усилился за счет исконного гласного» [Болонина 2003: 63].

⁵ Справедливости ради отметим, что М. Н. Шевелева ставит вопрос об отношении рефлексов со слоговыми плавными ко второму полногласию и даже подчеркивает, что корни, которые в ЖАЮ встречаются с написаниями типа *ТРОТ*, в других северных рукописях отмечены со вторым полногласием [Шевелева 1996: 48—49].

Ключевыми для такой фонетической интерпретации написаний типа ТРОТ нам представляются следующие факты.

Во-первых, в обоих списках подавляющее большинство написаний — нормативные для того времени древнерусские написания типа ТОРТ, ТЕРТ. Написания ТРОТ, ТРЕТ, хотя и не являются, как справедливо замечает М. Н. Шевелева, спорадическими, все же их количество не может быть признано сколько-нибудь существенным: 23 бесспорных примера на 66 листов Типографского и 39 на 195 листов Соловецкого списка. Практически отсутствуют написания типа ТРЪТ, традиционно рассматриваемые как «старославянские», но которые должны были бы быть представлены в списках значительно шире, если бы речь действительно шла о передаче слоговых плавных (и тогда не происходило бы совпадения в передаче на письме фонологически разных единиц — *проць* [pročʹ] и *проты* [prty = prty] < *пърты*). М. Н. Шевелева настаивает, что даже в языке писца Сол. № 216 конца XV в. «**основная вокальность продолжает быть сосредоточена на плавном** и гласный после плавного еще не фонологизовался и не тождествен *о, е*» [Шевелева 1996: 47]. С фонологической точки зрения, маловероятным представляется попытка писца передать [trt] посредством ТРОТ и ТРЕТ, если учесть наличие противопоставления [tort] < *горъка* — [trot] < *гробъ* — **[trt] < *гърбъ*.

Во-вторых, с учетом сказанного особое значение приобретают написания типа ТОРЪТ и ТЕРЪТ, которые представлены также достаточно широко: например, в Тип. № 182 отмечено 20 таких написаний. Их количество вполне сопоставимо с количеством написаний типа ТРОТ и ТРЕТ. Написания с ъ и ь после плавного особенно показательны для рассматриваемых списков XIV—XV вв., последовательно отражающих падение редуцированных гласных. «Важной особенностью этих написаний является обусловленность выбора ъ/ь после плавного характером предшествующего плавному гласного и независимость от твердости / мягкости последующего согласного» [Шевелева 1996: 39]. Такая орфография должна предполагать фонологическое различие твердых и мягких слоговых плавных. Однако различие палатализованных и непалатализованных слоговых плавных не характерно ни для старославянских памятников, ни для западославянских и южnosлавянских диалектов, сохраняющих слоговые плавные⁶. Соответственно выдержанность орфографии в отношении выбора ъ/ь в написаниях типа ТОРЪТ/ТЕРЪТ — явный признак того, что за ними не скрывается слоговой плавный.

Мягкость /rʹ/ в рефлексах псл. *ТЬРТ, долго сохранявшаяся в ряде великорусских диалектов перед губными и заднеязычными (ср. старомосковское произношение *верх, серън*), возникла перед гласным переднего ряда

⁶ В одном западномакедонском диалекте представлен палатализованный плавный [rʹ] (но не [rʹ]!), причем только в тех случаях, где он чередуется с [r]: *blʹva* 'рвет 3 sg' — *blʹuv-* и др., но *słza* < *słza* [Koneski 1983: 32].

/ь/, который развивался после /г/ перед согласным: *tʲgt > tʲgʲt > tʲgʲt > tʲegʲt, и таким образом не связана с сохранением различия твердого и мягкого слоговых плавных. Некая промежуточная стадия в виде слоговых плавных, которые к тому же еще и различались по твердости/мягкости, со времен Фортунатова и Шахматова часто реконструируется для древнерусского: ср. псл. *tʲgt > др.-рус. *tʲgʲt и псл. *tort > др.-рус. *toʲt [Сидоров 1966: 16—22]⁷. Концепция М. Н. Шевелевой находится в русле данной традиции, но в отличие, например, от В. Н. Сидорова, она считает, что редуцированный при плавном был неслоговым и нефонологическим призывком, т. е. реконструирует не *tʲgʲt, а *tʲgʲt или *tʲgʲt, что с позиций типологии, возможно, и более реалистично, но исторически малоубедительно (см. критику такой реконструкции уже в [Сидоров 1966а: 12—14]).

Подчеркнем, что сама по себе возможность существования в древнерусском языке (включая новгородский диалект) говоров со слоговыми плавными теоретически не должна исключаться. В то же время нет никакой необходимости реконструировать их в качестве промежуточных рефлексов *TRʲT даже для украинского (ср. *кривавий*) и белорусского (ср. *крывавы*), как это делал А. А. Шахматов и его последователи. Н. С. Трубецкой вполне резонно считал, что слабые редуцированные здесь «сначала исчезали и лишь позднее неудобные для произношения группы “согласный + плавный + согласный” устранялись с помощью вставного гласного» [Трубецкой 1925: 150].

Полагаем, что необязательно реконструировать слоговой плавный *tʲ или *tʲgʲ и для ближайших рефлексов псл. *tʲgt. В одних диалектах слог здесь мог оставаться закрытым, в других — изменяться в *tʲgʲt, развивая вставной гласный /ь/. В первом случае сохранялось противопоставление редуцированного «нулю звука» TʲRT ↔ TʲRʲT = *смъръкъ* ↔ *боръкъ*, *вьръба* ↔ *боръба*. Долгое сохранение закрытого слога в *TʲRʲT, т. е. продолжение так называемого предсостояния открытого слога, когда еще не все слоги открыты, но сохраняются внутрисловные закрытые слоги на плавные (и, возможно, носовые) [Чекман 1979], задерживало падение редуцированных, которое было реакцией именно на превращение диахронической тенденции к открытости слога в синхронический закон открытого слога, когда пал последний бастион закрытых слогов в корнях типа *TʲRT и слабые редуцированные перестали противопоставляться нулю звука, превратившись в нуль звука функционально (фонологически).

Вернемся к материалу ЖАЮ. М. Н. Шевелева справедливо отмечает, что ъ и ь в написаниях *ТОРЪТ/ТЕРЪТ* «указывают на наличие какого-то вокального элемента после плавного, причем четко связанного с качеством вокального элемента перед плавным» [Шевелева 1996: 39]. Однако, с нашей точки зрения, это не «какой-то вокальный элемент», а фонемы /e/ и /o/ второго полногласия /oro/, /olo/ и /ere/. Именно поэтому более поздние не-

⁷ См. также обсуждение проблемы в [Сидоров 1966а].

новгородские списки нарушают отмеченную закономерность (ОРЪ — БРЪ), используя ъ/ь для обозначения твердости/мягкости плавного [Шевелева 1996: 40], поскольку в говорах этих писцов не было второго полногласия.

Интересную параллель к материалу древних списков ЖАЮ представляет новгородский Пролог 1431—1434 гг.⁸, где наряду с господствующими написаниями типа ТОРТ широко представлены написания типа ТОРЪТ и ТОРОТ:

1) долъжни 18об, толъста 36, волъхвѣть 33, деръзнухъ 95об, выполъзнуша 53, 54, пополъзнется 53об (ср. въсползнется 167об), коръмленъ 164, столъпникъ 179об (ср. столпникъ 179об), ото/лъстѣвъшю 212об, въ оутолстѣ 74об, коръм/ники 175, безмолвъ/ство 215, толъкнѣшю 140об, оумерть/влю 172 (ср. ме/рть 173), терьплю 216об, 233об (ср. терплю 234), жерьтвами 226, перьстью 143, верьвми 216, волъхвъ 26, волъкъ 220об, столъпъ 139, 180, отверь/сть 53, съ/мерть 214, 240, паперьтъ 142об, верьху 219, перьси 17, верьтепъ 182об, долъженъ 219;

2) ввереженъ 144, ввѣре/женъ 100б, -а 68об, вверегоша 208, коро/митель 32об, коро/мшеса 219об-2, мерезъскими 46, свѣре/шага 80, свере/шениа 207об, скоро/бнть 84об, оскоро/вимъ 138, -ниа 250, отверезаюцца 94, доло/готерпѣнъ 104об, оумолочавъ 135, в молочани 214об, меретвыа 231, оумеретвие 221, -а 207, сме/рети 245об, свере/шениа 207об, полоткъмъ 208, на торо/зѣхъ 210, толо/кѣщемъ 239об, терепѣти 242, перевыи 247об, горо/достъ 253об, дере/знухъ 217, пороплица 227 (ср. скорпию, скарпин 63); ср. также моланъа 130об с а (но молныи 129об).

Отметим, что среди примеров с о, е отсутствуют такие, где бы эти графемы отражали вставочную гласность перед группой согласных или в новом закрытом слоге (т. е. перед выпавшим слабым редуцированным); наоборот, среди примеров с ъ, ь такие случаи преобладают.

Принципиальное отличие Пролога 1431—1434 гг. от списков ЖАЮ заключается в том, что в нем довольно часто встречаются написания с вставкой о и е в группах согласных, не связанных с вторым полногласием: во/лижнѣго 19, сто/ворю 20об, то/вердо 26об, посраме/ленъ 23, земе/лю 213об, по/рочими 28, те/ремн 23, сково/зѣ 51, посо/лѣднѣа 137, ане/гелъ 180об, похвалиста 208об, помышѣ/лѣа 210, распелевавши 210, мѣсо/то 226, со/вою 254, хворастьѣ 193об (ср. хвастъѣ 231), бысе/тринѣ 216об, сѣстѣе/вомъ 41, свонсто/вѣхъ 213об, множѣе/тво 47, велѣми 141, велѣ/ми 29, 112, 133, 207 (ср. вельми 237, велми 207), велѣможа 253, оста-вель 248; в именах собственных только после сонанта: ано/дрѣанѣ 144, ано/тѣпатъ 235 (ср. антипатъ 235об), ано/тоннѣ 97об, гере/мана 97об, самосоново 88об, аре/сеньѣа 127, серегниа 109об, варо/сонофѣа 128 (ср. варсонофѣи 128об), варофоломѣемъ 235об (ср. варфоломѣи 235об).

⁸ Пролог, РНБ, Ф. п. I. 48. 1431—1434 гг., Новгород, устав, переходящий в полуустав, 255 лл. (40 x 29,5 см) в 2 столбца, пергамен [Гранстрем 1953: 63—64]. По-видимому, рукопись писана несколькими почерками.

Частые написания с «неэтимологическими» *о, е* на конце строки свидетельствуют о фонетической подоплеке таких написаний, так как условие конца строки, видимо, обостряет фонетическое внимание писца [Марков 1964: 216—217].

Приведем некоторые дополнительные соображения, которые косвенно подкрепляют наш вывод об отражении в списках ЖАЮ второго полногласия, во всяком случае, не противоречат ему.

Во-первых, диалектологи давно отметили, что не все слова, в которых ожидалось бы второе полногласие, отмечены в соответствующих говорах. В частности, Н. П. Гринкова указывает, что не встречаются со вторым полногласием такие слова, как *волк*⁹, *волна*, *горло*, *толстый*, *твердый* [Гринкова 1950: 227] (в говорах также отмечены формы сравнительной степени *тверяже*, *твереже*, которые в [Николаев 2001: 103] объясняются влиянием форм типа *короче*). Н. П. Гринкова объясняет отсутствие второго полногласия в этих словах характером звуков, следующих за плавным¹⁰. Показательно, что из перечисленных слов, которые в говорах, отражающих второе полногласие, не отмечены со вторым полногласием, в списках ЖАЮ представлены все, но ни для одного из них не имеется написаний типа **ТРОТ**.

Во-вторых, поразительным в условиях отсутствия полногласных написаний в списках ЖАЮ является обилие древнерусских написаний с начальным **РО-** < *ort-: ср. в Тип. № 182 *ровѹ*, *роженын*, *роspадеса*, *розмѣрактѹ*, *розмышлѹхѹ* и др. [Молдован 2000: 153]. Таких форм в Тип. № 182 приблизительно столько же, если не больше, чем написаний типа **ТРОТ**. Это явно указывает на то, что у писца была аллергия именно на отражение полногласия: **РО** — можно, а **ОРО** — нельзя!

Последнее обстоятельство подводит нас к ответу на вопрос, почему же писец избегает фонетических (адекватнофонемных) написаний типа **ТОРОТ**, **ТОЛОТ** и **ТЕРЕТ** на месте второго полногласия. Ответ на этот вопрос представляется очевидным. Такие написания отсутствуют по той же причине, по какой в рукописях отсутствуют и написания, отражающие первое полногласие. Но если для замены формы с первым полногласием у него под рукой почти всегда была соответствующая неполногласная форма, освященная церковнославянской письменной традицией или сконструированная по привычным моделям, то диалектные формы со вторым полногласием приходилось заменять стандартными общерусскими (**ТОРТ**, **ТОЛТ**, **ТЕРТ**) или маскировать написаниями типа **ТОРЪТ**, **ТОЛЪТ**, **ТЕРЪТ** и **ТРОТ**, **ТРЕТ**, **ТЛОТ**, которые для писца, видимо, были все же предпочтительнее полногласных написаний типа **ТОРОТ**, **ТЕРЕТ**, **ТОЛОТ**.

⁹ В псковских говорах встречается уменьшительная форма *волочѡк* [ПОС-4: 134]. Примечательно, что в Тип. № 182 отмечено написание *влочець* 'колючее сорное растение'.

¹⁰ См. обсуждение этой проблемы в [Колесов 1963: 154; Марков 1964: 233—236].

Как было отмечено, Тип. № 182 не содержит ни одной формы с первым полногласием. При этом в нем имеются «неполногласные» написания типа ТРОТ и ТЛОТ: *дрогок, словник*¹¹, *охластавъ*¹². Формы с первым полногласием исчерпываются буквально единичными примерами и в Сол. № 216: *скоронь* (2 раза), *скоронью*, *скоропниа* [Молдован 2000: 152—153]. В сущности, речь идет лишь об одной лексеме *скоронь* 'щека', поскольку форма *скоропни* лишь отчасти может считаться полногласной¹³. В Сол. № 216 имеется одно «неполногласное» написание типа ТЛОТ — *влоди* М. ед. (собирательное *володь* — ц.-сл. *владь* 'волосы'), а также написания с вторым полногласием — *молловлахоу* и *молонниами* (при наличии параллельных написаний типа ТЛОТ и ТОЛТ: *млонниа*, -ю и *молниниъ родъ*). Полагаем, что наличие «неполногласных» форм типа ТРОТ и ТЛОТ, соответствующих неполногласным ТРАТ и ТЛАТ, свидетельствует против вывода о наличии слоговых плавных не только в качестве промежуточных рефлексов *ТЬРТ, но и в качестве рефлексов посл. *ТОРТ, указывая на фонологическое совпадение в говоре писца форм первого и второго полногласия, т. е. на совпадение рефлексов посл. *ТОРТ и *ТЬРТ.

Таким образом, отталкивание писца от общерусских форм первого полногласия выражается в использовании церковнославянских неполногласных форм типа ТРАТ, ТРЕТ при спорадическом появлении написаний типа ТРОТ, возможно, отражающих промежуточные этапы формирования первого полногласия¹⁴, а отталкивание от форм второго полногласия — в использовании традиционных написаний типа ТОРТ, ТЕРТ и ТОРЪТ, ТЕРЪТ, а также не совсем традиционных написаний типа ТРОТ, ТРЕТ. Особенно естественной представляется передача второго полногласия при помощи написания ТРЕТ. В этом случае параллелизм первого и второго полногласия проявляется наиболее отчетливо, если учесть, что неполногласные рефлексy *ТЕРТ в этих списках часто передаются написанием ТРЕТ, а не ТРЪТ (впрочем, в Тип. № 182 есть и форма с ѣ: *чръмно* б1об вместо *чремно* < *чърмно*).

Как и А. А. Зализняк, предполагающий, что написание ТРОТ является адекватнофонемным и передает /trot/¹⁵, М. Н. Шевелева, которая считает,

¹¹ Этой формы нет в Тип. № 182, так как соответствующий лист утрачен, но в Сол. № 216 эта форма, видимо, восходит к Тип. № 182.

¹² А. М. Молдован относит это слово к лексике с первым полногласием (ср. ц.-сл. *охластати*) [Молдован 2000: 152]. М. Н. Шевелева вслед за [ЭССЯ-8] предполагает посл. **хълstati*.

¹³ Ср. ст.-сл. *скоръпини*, *скоръфни* < гр. *σκορπίος*. В русском церковнославянском *скрапини* — функциональный славянизм. Формы *скрань*, *владь* в рукописях старославянского канона как будто не встречаются.

¹⁴ Об этих формах см. [Колесов 1980: 69—75; Крысько 1994: 18—19].

¹⁵ К аналогичному выводу приходят В. Б. Крысько и Е. Н. Болонина [Крысько 1994; Болонина 2003].

что за написанием ТРОТ скрывается произношение $[t^{\frac{b}{t}}r^{\frac{b}{t}}t]$ (фонематически, видимо, /trt/), объединяет развитие рефлексов *ТЪРТ и *ТОРТ, склоняясь к тому, что рефлексы обоих этих типов сочетаний совпали в обсуждаемых говорах. Предположение М. Н. Шевелевой о наличии слоговых плавных как промежуточной стадии развития псл. *ТОРТ является, на наш взгляд, наиболее уязвимым тезисом в ее концепции.

Говоря о говоре первого (основного) писца Синайского патерика XI в. (Син. Пат.₁), отраженного в орфографии этого памятника, она приходит к выводу, что вполне вероятно, «мы имеем дело с системой, где рефлексy сочетаний *ТЪРТ и *ТОРТ развивались каким-то сходным образом через стадию сосредоточения слоговости на плавном и нефонологичности вокальных элементов при плавном, обнаруживая тенденцию к совпадению» [Шевелева 2001: 192]. Аналогичная реконструкция предполагается и для системы, отраженной в списках ЖАЮ [Шевелева 1997: 26—27]. Предположив преимущество орфографических систем отражения рефлексов *ТЪРТ и *ТОРТ в Син. Пат.₁ («раннедревнерусский вариант») и ЖАЮ («позднедревнерусский вариант»), М. Н. Шевелева вынуждена распространить тезис о совпадении рефлексов *ТЪРТ и *ТОРТ и на говор Син. Пат.₁, а также всячески подчеркивать хотя бы теоретическую возможность северо-западной локализации говора Син. Пат.₁ [Шевелева 2001: 187, 195]¹⁶. Однако материал Син. Пат.₁ не дает достаточных оснований для реконструкции слоговых плавных на месте рефлексов псл. *ТЪРТ и *ТОРТ, как не дают таких оснований списки ЖАЮ. В особенности нет никаких оснований предполагать совпадение рефлексов *ТЪРТ и *ТОРТ в Син. Пат.₁, поскольку рефлексy этих сочетаний передаются в памятнике совершенно по-разному: *ТЪРТ посредством тръѣт, тѣртъ и изредка тѣръѣт, а *ТОРТ посредством тратъ и изредка тротъ, торотъ¹⁷. Можно говорить о некотором параллелизме в развитии *ТЪРТ > *ТЪРЪТ и *ТОРТ > *ТОРОТ, отражаемом в Син. Пат.₁, но не о совпадении рефлексов, см. [Воронцова 1986].

Можно согласиться с М. Н. Шевелевой, что передача рефлексов *ТЪРТ в Син. Пат.₁ посредством написаний типа тръѣт, тѣртъ, т. е. «по-старославянски», отражает фонетическую реальность, но отражает ее лишь частично, и эта реальность — не слоговые плавные, а сочетания /търтъ/, /търътъ/. Таким образом, «фонетичность» этих написаний заключается в том, что они адекватнофонемно обозначают качество редуцированных гласных, нахо-

¹⁶ Шаткость оснований такой локализации отмечена в [Крысько 2003: 242—243].

¹⁷ М. Н. Шевелева формулирует свой вывод весьма предположительно: «[В]ариантность при передаче рефлексов сочетаний *ТОРТ указывает на наличие при плавном гласных, более кратких, чем нормальные о, е, — скорее всего, с обеих сторон плавного. Может быть, это были гласные, сходные с (или тождественные) ѣ (...) и может быть, эти гласные не были фонологичны, что могло послужить основанием для сближения рефлексов *ТЪРТ и *ТОРТ» [Шевелева 2001: 196].

дившихся рядом с плавным. Исключение — корень **скръь-**, в котором, видимо, отражена межслоговая ассимиляция гласных, поскольку в следующем слоге всегда гласный переднего ряда (своего рода морфологически изолированная позиция)¹⁸. Как уже было отмечено выше, фонетический характер передачи редуцированного свидетельствует скорее против реконструкции слогового плавного.

Второй по частотности (114 против 526 «старославянских» и 5 «двуеровых», которые и являются фонетическими) способ передачи рефлексов *ТЪРТ — написания типа **тър'т** с надстрочным знаком над плавным. М. Н. Шевелева полагает, что «писец Син. Пат.₁ воспринимает плавный в рефлексах сочетаний *ТЪРТ скорее как гласный, чем как согласный, после которого пропущен редуцированный... “паерок” над плавным в данной орфографической системе — это указание на вокальность плавного» [Шевелева 2001: 178]. Однако, учитывая, что аналогичный знак ставится «над второй из двух рядом стоящих букв гласных», а «при наличии рядом трех гласных знак ставится и над второй, и над третьей буквой» [Там же: 177], можно интерпретировать его как указание на элемент слога в тех случаях, когда он графически не обозначен отдельной буквой. Таким образом, оказываясь над гласным (ср. **о'чищаа'са**¹⁹ 118об.), диакритика обозначала протетический или эпентетический согласный, а будучи поставленной над согласным, указывала на следующий за ним гласный, не обозначенный на письме (ср. **в'сако** 118об., **м'нози** 118об., **пър'внихъ** 118об., **мър'твааго** 120б., **мър'твымъ** 121об. и др. в Син. Пат.₁). Мысль о том, что надстрочный знак, заимствованный из греческой графики, был использован древнерусскими книжниками в условиях действия закона открытого («идеально-го») слога для обозначения протетических и эпентетических согласных независимо от их фонетической реализации, т. е. для передачи своего рода «недифференцированной согласности», была высказана Ю. С. Кудрявцевым. Он, в частности, обратил внимание на то, что диакритика не ставится над вторым гласным в нестяженных формах имперфекта и полных прилагательных (ср. приведенные выше примеры из Син. Пат.₁), что указывает на их фонетическую, а не графическую природу [Кудрявцев 1985: 144—155].

Итак, написания типа **ТРОТ**, **ТРЕТ** в новгородских списках ЖАЮ XIV—XV вв. не отражают диалектных форм со слоговыми плавными на месте рефлексов *ТЪРТ. Они представляют собой искусственные, маскирующие второе полногласие написания, которые возникли вследствие отталкивания от полногласных форм в диалекте с развившимся вторым полногласием, с отсутствием яркого церковнославянского соответствия вто-

¹⁸ Следует также учитывать роль сочетания /sk/, после которого в древнерусском мог находиться гласный переднего ряда и в котором *k не изменялся по 2-й палатализации во всех древнерусских диалектах (ср. **дѣскѣ**, **роуѣскии** и т. п.). Ср. также в Сол. № 216 **ис кресты** 138об., но **кросту** 138.

¹⁹ Знак «паерка» в рукописи схож по написанию со знаком ударения.

рому полногласию. Вопрос о том, можно ли написания **ТРѠТ**, **ТРѢТ** в соответствующих списках связать с реконструируемыми для части древненовгородского диалектного ареала формами типа /trot/, /tret/ [Зализняк 1995; Крысько 1994; Болонина 2003], остается открытым.

Литература

- Болонина 2003 — Е. Н. Болонина. Рефлексы праславянских групп *ТѣгТ, *ТогТ в «Житии Андрея Юродивого» конца XIV века // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11—13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Т. 2. Казань, 2003. С. 61—63.
- Воронцова 1986 — Т. А. Воронцова. Полногласные и неполногласные сочетания в Синайском патерике // Литературный язык Древней Руси. Проблемы исторического языкознания. Вып. 3. Л., 1986.
- Гранстрем 1953 — Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953.
- Гринкова 1950 — Н. П. Гринкова. О случаях второго полногласия в северо-западных говорах // Труды Института русского языка. Т. 2. М.: Л., 1950. С. 211—227.
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Колесов 1963 — В. В. Колесов. Развитие второго полногласия в русских северо-западных говорах // Учен. зап. ЛГУ. Вып. 68. 1963. № 322. С. 148—159.
- Колесов 1980 — В. В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // ВЯ. 1994. № 6. С. 16—30.
- Крысько 2003 — В. Б. Крысько. Русско-церковнославянские рукописи XI—XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание: XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г.: Доклады российской делегации. М., 2003. С. 339—355.
- Кудрявцев 1985 — Ю. С. Кудрявцев. Консонантные протезы и звуковое значение диакритических знаков над гласными в древних славянских рукописях // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 719. 1985. С. 144—155.
- Марков 1964 — В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
- Молдован 2000 — А. М. Молдован. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Николаев 2001 — С. Л. Николаев. Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 86—121.
- ПОС-4 — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4. Л., 1979.
- Сидоров 1966 — В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные ѣ и ѣ в древнерусском языке XI в. // В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М., 1966. С. 5—37.
- Сидоров 1966а — В. Н. Сидоров. Из истории сочетания типа *tbrt в русском языке: (Возникновение мягкости r' перед задненебными и твердыми губными со-

гласными) // В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М., 1966. С. 38—97.

Трубецкой 1925 — Н. С. Трубецкой. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Н. С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 143—167.

Чекман 1979 — В. Н. Чекман. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.

Шевелева 1995 — М. Н. Шевелева. Новые данные церковнославянских рукописей о рефлексах сочетаний редуцированных с плавными и развитии «второго полногласия» // ВЯ. 1995. № 4. С. 78—93.

Шевелева 1996 — М. Н. Шевелева. «Житие Андрея Юродивого» как уникальный источник сведений по исторической фонетике русского языка // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония. М., 1996. С. 20—65.

Шевелева 1997 — М. Н. Шевелева. Еще раз об орфографии церковнославянских рукописей и проблеме реконструкции системы говора писца // Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 16—46.

Шевелева 2001 — М. Н. Шевелева. Орфография сочетаний гласных с плавными в Синайском Патерике и проблема его диалектной локализации // Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 168—221.

ЭССЯ-8 — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981.

Koneski 1983 — B. Koneski. A historical phonology of the Macedonian language. Heidelberg, 1983.
